

*Валери Банс***БОРЬБА ЗА ЛИБЕРАЛЬНУЮ ДЕМОКРАТИЮ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ***

Восточная Европа, которую мы когда-то знали, более не существует. Экономическая структура, очерчивавшая границы Восточной Европы - Совет Экономической Взаимопомощи - находится в процессе отмирания. На ее месте мы обнаруживаем зародыши свободной торговли; появляется возможность создания единой Европы, объединенной рынком. Военно-политическая структура Восточной Европы также развалилась. Вместо в высшей степени скоординированного Варшавского договора осталось нечто, что в лучшем случае может быть определено как рыхлый союз.

Внутренние перемены в восточноевропейских странах не менее значительны. В сфере экономики центральное планирование и государственная собственность соседствуют с рынком и частной собственностью. В области политики перемены еще более радикальны. В прошлом игравшие исключительно декоративно-бюрократическую роль парламенты нынче отвоевали независимость у прежних хозяев - коммунистических партий, и начали ориентироваться на свою ответственность перед избирателями. Граждане, в прошлом пассивные и лишенные гражданских свобод, превратились в политических активистов, желающих быть услышанными и могущих заставить себя выслушать. И, наконец, когда-то всемогущие коммунистические партии посрамлены и свергнуты.

Почему это произошло? Наиболее очевидным объяснением является тот факт, что советский президент Михаил Горбачев выдернул ковер из-под ног восточноевропейских коммунистов решением либерализовать политическую и экономическую

---

* *Статья печатается с незначительными сокращениями. - Ред.*

систему в своей стране и в регионе. Горбачев надеялся, что, разрушив построенный Сталиным дом, он сможет освободить Советский Союз, сделав его тем самым более стабильной, экономической более производительной и более безопасной страной. Однако восточноевропейским компартиям было трудно следовать за Горбачевым. Они и без того уже были ослаблены затянувшимся экономическим кризисом, их отношения с собственными гражданами становились более взрывоопасными, а долгосрочная зависимость от Советского Союза во всем необходимом для сохранения контроля - т. е.: в рынке, энергетических ресурсах и политической власти - все более тягостной. Иными словами, правление компартий в Восточной Европе напоминало карточный домик задолго до того, как советское руководство приняло решение спасти "социализм в одной отдельно взятой стране" путем перетасовки колоды.

Процесс, в результате которого компартии утратили власть, конечно же, проходил в каждой стране по-иному.¹ Польша и Венгрия, верные своей исторической традиции борьбы с коммунистическим правлением, были первыми. Будучи слишком слабыми, чтобы справиться с экономическими трудностями и общественным недовольством, компартии этих стран согласились на переговоры с оппозицией за круглым столом. Результатом было создание новой и либерализованной политической системы в этих странах.

Как только стало ясно, что в Венгрии и Польше начался процесс избавления от коммунистического правления, Восточная Германия, а затем - Чехословакия, закоренелые сталинистские страны Варшавского договора, вскоре впрыгнули в поезд победителей. В конце лета 1989 г. бегство толп восточных немцев на Запад в конечном счете привело к массовым протестам в самой Восточной Германии, вынудив коммунистическое правительство пообещать свободные выборы. Потом огромные демонстрации разразились в Чехословакии, несомненно, отчасти потому, что слабость восточногерманского режима убедила чехов и словаков, что их собственное правительство столь же слабо. В результате коммунистический строй в Чехословакии быстро развалился -

куда быстрее, чем в Польше и Венгрии, и оппозиция немедленно взяла власть в свои руки.

И, наконец, восстание в Румынии в декабре 1989 г. Здесь, в отличие от всех остальных случаев, не было ни переговоров за круглым столом, как в Польше и Венгрии, ни мирного переходного периода. Вместо этого произошла насильственная революция, в ходе которой мирные демонстранты сумели, перед лицом жестоких правительственных репрессий, склонить на свою сторону армию и свергнуть деспотический режим Николае Чаушеску.

Хотя перемены разворачивались в каждой стране по-иному, результат был один и тот же. Сталинизм, который зависит от способности компартии удерживать экономическую и политическую монополию, испустил дух.² Советский блок скончался, потому что его цементировал сталинизм, удерживавший страны блока вместе, а также потому, что советское руководство решило, что сохранение блока не отвечает более интересам СССР.³ Когда мы распрощались со сталинской внутренней и региональной политикой, со сцены ушла и послевоенная система международных отношений.

Не может быть двух мнений об исторической природе перемен, произошедших в Восточной Европе. Однако, будущее региона остается неопределенным. Мы не знаем, что придет на смену сталинизму в Восточной Европе, хотя знаем, чего хотят новые руководители стран региона: они надеются превратить свои государства в либерально-демократические общества. С этой целью они расширили гражданские свободы и стимулировали политическую конкуренцию путем создания многопартийной системы, парламентарной суверенности, свободных и честных выборов. Реформаторы также желают создать смешанную экономику, которая сочетала бы черты капитализма (рынок, частная собственность и свободная торговля) с социализмом (в частности, со значительной степенью правительственного вмешательства в экономику, чтобы смягчить цену, которую обществу придется заплатить за введение свободного рынка).⁴ Наконец, в международном

плане реформистам хотелось бы видеть Европу единой, объединенной рынком, либерально-демократическими ценностями, политическими договоренностями и общей системой безопасности.

Однако не следует принимать желаемое за достигнутое. Это особенно верно в Восточной Европе, к которой история была отнюдь не благосклонной. Три крупнейшие войны этого века - первая мировая, вторая мировая и "холодная" - велись в значительной мере за Восточную Европу. Короче говоря, этот регион никогда не обладал роскошью распоряжаться собственной судьбой.

Поэтому вопрос, которым задаются в первую очередь люди как на Западе, так и на Востоке, звучит так: преуспеют ли новые режимы в Восточной Европе в стремлении стать подлинно либерально-демократическими?⁵ Это не академический вопрос. Хотя существуют оптимисты, которые считают, что создание демократии теперь, когда сталинизм исчез, будет легкой задачей, реальность куда более сложна. В конце концов, сталинизм просуществовал здесь 40 лет. Вдобавок, эти новые режимы поставили перед собой чрезвычайно амбициозные задачи. Они не только создают новые политические системы на пустом месте; они создают экономику нового образца. И то и другое они осуществляют в условиях сильнейшего экономического стресса. Наконец, нет никаких гарантий ни для Восточной Европы, ни для кого-либо еще, что политическая либерализация приведет к подлинной либеральной демократии. Опыт Латинской Америки XX века показывает, что сегодняшняя политическая либерализация завтра может привести к диктатуре. Она также может привести к революции, когда утратившая терпение общественность столкнется с медленно меняющейся и разочаровывающей реальностью.

В дискуссиях о политическом будущем Восточной Европы аналитики, рассматривающие перспективы продвижения региона к демократии пессимистически, обычно ссылаются на историю. Конечно же, верно, что Восточная Европа переносила

авторитарное правление дольше, чем ей полагалось. И все же само по себе это не сулит мрачное будущее региону; в конце концов, почти каждая страна на планете прошла через авторитарный период в какой-то момент своей истории. Успех некоторых стран при переходе от авторитаризма к демократии связан с накоплением их исторического опыта в деле ослабления государства и усиления общества. Поэтому, говоря о восточноевропейских странах, следует поставить вопрос следующим образом: имеется ли в истории этого региона подобного рода "пред-демократический" опыт и если да, то тогда можно будет полагать, что переход к либеральной демократии будет более легким.

Хотя история страны имеет какое-то влияние на ее будущее, этот фактор не обязательно является определяющим. Некоторые страны швыряло с одного исторического пути на другой. Такие примеры дает период после второй мировой войны. Чехословакия, которая, казалось бы, имела все исторические предпосылки, чтобы стать либерально-демократической страной, обрела сталинистский режим. Точно так же Япония и Германия "нарушили" свое историческое "назначение", став либерально-демократическими системами. Похоже, перспективы либеральной демократии в большой степени определяются факторами данного момента.

Поэтому, при оценке перспектив в Восточной Европе исключительную роль играет понимание текущего политического и экономического контекста. При этом возникают следующие вопросы: во что обшелся бы процесс перехода этих стран от сталинизма к политической либерализации, и с какими выгодами этот переход ассоциируется? В частности, выгодна ли мирная революция без эксцессов насилия (что характерно для всех этих стран, за исключением Румынии), при которой в либеральную демократию встраиваются нетронутые перемеными блоки старой системы? Во-вторых, как далеко ушли эти страны, и как много им еще предстоит пройти, чтобы стать подлинно либерально-демократическими? И, наконец, может ли либеральная демократия выжить при двух "заданных величинах": серьезные экономические трудности, которые в

ближайшем будущем, похоже, обострятся, и возрождение национальных трендов?

Ситуация с либеральной демократией в Восточной Европе довольно сложна. Оптимисты слишком наивны, полагая, что создание либеральной демократии здесь будет легким процессом, и что 40 лет сталинизма не будут иметь долгосрочных последствий. Пессимисты, однако, недооценивают исторический и сегодняшний потенциал Восточной Европы, который может способствовать демократическому будущему.

Определение понятия "либеральная демократия"

Для оценки перспектив либеральной демократии в Восточной Европе мы должны сначала определить, что такое "либеральная демократия". Точное определение важно, поскольку у нас, в США, часто не затрудняют себя раздумьями относительно обязательных условий развития либеральной демократии. Поскольку мы много лет прожили при этой системе, мы воспринимаем ее как "естественную" форму правления. Мы также склонны рассматривать демократию как нечто простое и не запутанное, поскольку наше внимание сосредоточено на ее очевидных характеристиках (таких как свободные выборы), и от нас ускользают более тонкие детали.

Что же это такое - либеральная демократия? Пять характеристик определяют ее как политическую систему. Во-первых, либеральная демократия предполагает, что в обществе *правит закон*. Во-вторых, либеральная демократия предполагает *обширные гражданские свободы, гарантированные законом*. В-третьих, либеральная демократия предполагает *представительное правительство*, т.е. представляющее интересы своих избирателей, подотчетное им в своей деятельности и наделенное властью. На практике это означает, что свободные и честные выборы проводятся регулярно; что все голоса представителей взрослого населения равны по значимости (хотя при этом люди, конечно же, различаются по желаниям и возможностям осуществления своих прав); конкуренция за

место в политическом истеблишменте институционализируется и осуществляется в рамках того или иного вида многопартийной системы; представительные органы играют при принятии политических решений значительную роль; они отражают общественное настроение, да и сами они - результат выраженной путем всеобщего голосования воли общества.

И, наконец, четвертая и пятая характеристики: обязательными условиями либеральной демократии являются т.н. *бюрократия по Веберу* и *определенная степень децентрализации контроля над экономическими ресурсами*. Эти определения требуют пояснений. Под "бюрократией по Веберу" я понимаю такой тип бюрократии, который много лет назад описал Макс Вебер - логически обосновав ее структуру (как ограниченную законом, правилами, очерчивающими административные обязанности, а также системой финансового вознаграждения при рекрутировании и продвижении по иерархической лестнице, основанном на профессиональных заслугах), и ее ответственность перед должностными лицами, получившими свои посты в результате выборов. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдено, то весьма значительная часть правительства - административный аппарат - не является подотчетным общественности, а без такой подотчетности не может быть либеральной демократии.

Под "определенной степенью децентрализации контроля над экономическими ресурсами" я имею в виду, что либеральная демократия не может долго просуществовать, если экономические ресурсы сосредоточены в руках правительства. Такая концентрация ресурсов дает правительству возможность, и наверняка стимулирует его, подавлять политические права менее обеспеченных слоев. Однако путем рассредоточения экономических ресурсов возможность присвоения политических прав богатыми уменьшается (но не исчезает совсем).

Таково общепризнанное толкование понятия "либеральная демократия". Только такая детализация может перенести обсуждение перспектив либеральной демократии в Восточной

Европе из сферы надежды эмоций в плоскость реалити. Будущее либеральной демократии в Восточной Европе, как и в любой другой части света, вопрос эмпирический.

Из этого определения либеральной демократии проистекают несколько важных последствий. Во-первых, для либеральной демократии вопросы правления столь же важны, как вопрос выборах, хотя Запад рассматривает в качестве лакмусовой бумажки демократии прежде всего выборы. Многопартийные выборы действительно нужны, но ни в какой степени они не являются единственным условием либеральной демократии. Например, если выборы проходят на многопартийной основе, но представительные органы слабы и бюрократия неподотчетна, а то и своевольна, то правительство не может реагировать должным образом на проблемы своих граждан, а некоторые соответствующие интересам общества действия правительства являются случайными совпадениями.

Длинный список предварительных условий дает основание полагать, вопреки утверждениям аналитиков "правого толка", что либеральная демократия весьма далека от естественной формы правления. В сущности, это весьма вычурная форма правления. Более того, это продукт куда более позднего времени, чем многие полагают. Так, есть точка зрения, что Соединенные Штаты не были страной либеральной демократии до принятия в 60-е годы закона об избирательных правах.

Либеральная демократия выглядит особенно неестественной, если отправной точкой ее развития был сталинизм. Черты, определяющие сталинскую политическую систему (или то, что многие называют государственным социализмом), и критерии либеральной демократии прямо противоположны друг другу. Чтобы не перечислять все имеющиеся между ними различия, многие из которых широко известны, я назову, по моему разумению, основное. Главная разница между либеральной демократией и государственным социализмом в том, как каждая из этих систем действует в ситуации политической неопределенности. Проще говоря, либеральную демократию характеризуют *определенные* политические

процедуры и *неопределенные* политические результаты. Государственный социализм же, напротив, отличают неопределенные политические процедуры и *определенные* политические результаты. Позвольте мне пояснить.

Либеральная демократия предусматривает определенность в политических процедурах, поскольку она основывается на законе, правлении рациональной и ответственной бюрократии и относительно ясном и устойчивом определении прав и обязанностей граждан и политических институтов. При либеральной демократии отработаны процедуры по урегулированию политических конфликтов. Существует консенсус относительно правил игры, и эти правила имеют силу закона.

Однако определенность политических процедур при либеральной демократии сопровождается неопределенными политическими результатами. На практике это означает, что никакой политической исход не может быть гарантирован, и любой политический исход может быть изменен. Так, те, кто баллотируются на важный политический пост, не могут быть уверены в победе или в том, что в случае победы они смогут провести желательный им политический курс, и победить, когда они вновь предстанут перед избирателями. Схожим образом, когда индивидуумы голосуют, оказывают давление на должностных лиц или создают группы, преследующие определенные интересы, они не могут быть уверены, что достигнут желаемого политического результата - избрания "их" кандидата, принятие того политического курса, который они предпочитают, или возможности воздействовать на развитие политических событий. Точно так же они, достигнув желаемых результатов, не могут рассчитывать, что эти результаты сохранятся в будущем.

Итак, политические процессы при либеральных демократиях могут быть отрегулированы, но они непредсказуемы. И, напротив, политические процессы в Восточной Европе до совсем недавнего времени могли быть определены как неотрегулированные, но не связанные с риском. Они не

были отрегулированными, поскольку не было определенности в политических процедурах. Такого рода системы основывались на правлении людей (я умышленно использую это слово), а не на законе; результаты выборов подтасовывались; все важные политические решения принимались за закрытыми дверями лицами, которые занимали свои места не в результате выборов; деятельность бюрократии не была скована правилами, контролем выборных лиц или народа, которому она якобы служила. Короче говоря, политическая жизнь протекала в неформальной и неотрегулированной форме.

Однако произвольные политические процедуры в сталинской системе давали гарантированные политические результаты. Поскольку компартии этих стран обладали в рамках однопартийного правления политической и экономической монополией, поскольку им принадлежала экономика и они ее планировали, а также потому, что они могли расширять свою власть, удерживая всех в состоянии неопределенности, они наслаждались неограниченной политической (и экономической) властью.

Эти различия показывают, конечно же, что переход от сталинизма к либеральной демократии требует полного преобразования политической системы. Неопределенные процедуры должны быть заменены определенными и определенные результаты должны смениться неопределенными. Чтобы определить перспективы подобного перехода в Восточной Европе, давайте повнимательней посмотрим на историю этого региона.

Историческое наследие

История Восточной Европы выглядит довольно слабой основой для либеральной демократии со многих точек зрения. Во-первых, и это наиболее очевидно, подлинно демократический опыт этих стран весьма мал. (Следует, однако, упомянуть, что поляки до разделов их страны в конце XVIII века были новаторами некоторых либерально-демократи-

ческих процедур, а у венгров с конца XIX века до начала первой мировой войны был парламент, который мог бы послужить базой для будущего перехода к представительному правительству).

После первой мировой войны большинство этих стран предприняло попытки установить либерально-демократическое правление. Но к концу 20-х годов зародыши демократии во всех этих странах, за исключением Чехословакии, сменили диктатуры. Эти правительства попросту не могли выдержать давления разных сил, которому они подвергались: растущие внешние трудности, в том числе развал мирового рынка зерна, за которым наступила Великая депрессия; значительные внутренние трудности, включая рост напряженности между различными национальностями (что, среди прочего, привело к многопартийной системе с большим числом партий); ограничения, наложенные на быстрый социо-экономический рост; и сохраняющаяся власть военных, бюрократии и земельной аристократии.

Страны Восточной Европы были расположены на стратегически важной и в то же время легко доступной территории. Поэтому они не имели устоявшихся и безопасных границ. Характерной чертой этого региона оказалось множество наций в рамках небольшого числа государств и правительства, беспомощные на внешнеполитической арене и репрессивные по отношению к своему населению.

После второй мировой войны в этих странах утвердился сталинизм. Кроме драконовских методов правления, особенностью сталинизма было использование в качестве своего фундамента авторитарного прошлого Восточной Европы. Между 1948 и 1953 гг. Сталин сделал эти государства несравненно более деспотичными и всепроникающими, чем когда-либо в прошлом. Он достиг этого путем разрушения границ, разделявших государство, экономику и общество, навязав тем самым систему, которая позволила правящим компартиям впервые обрести подлинную монополию. В результате эти режимы стали рьяно, откровенно и в то же вре-

мя более эффективно попирать свои собственные народы.

Народы Восточной Германии и Чехословакии первыми выступили с протестом в начале 50-х годов. За ними последовали политические волнения в Польше и революция в Венгрии в 1956 г., затем чехословацкий кризис 1968 г. и, наконец, столкновение между "Солидарностью" и польским режимом в 1980 и 1981 гг. В этот список не включены многие менее существенные политические протесты и волнения в Восточной Европе, особенно в 70-е и 80-е годы.

Наряду с политической нестабильностью сохранилась и внешняя зависимость. Однако теперь это была зависимость от СССР, который контролировал ситуацию в Восточной Европе. Судьба восточноевропейской экономики зависела от советской, а не от мировой экономики в целом и западной экономики в частности. Это определяло судьбу либеральной демократии (и капитализма) в данном регионе. При неограниченной власти компартии трудно было ожидать укоренения либеральной демократии, тем более потому, что Советский Союз играл роль недремлющего стража. Короче говоря, история, похоже, не очень благоволила к тем, кто мечтал о либерально-демократической Восточной Европе. Поэтому борьба за либеральную демократию в сегодняшней Восточной Европе - это не борьба за возврат к прошлому, а за то, чтобы подняться над прошлым.

Означает ли это, что историческая эволюция Восточной Европы уводит ее от либеральной демократии? Это не совсем так по двум причинам. Во-первых, если бы история предопределяла судьбу, то события 1989-1990 годов никогда не смогли бы произойти. Важен не тот факт, что общественность восстала или что режимы развалились. В конце концов, это было бы вполне в духе традиционной интерпретации восточноевропейской истории. Важно, что это были подлинные и успешные революции, в отличие от безуспешных революций 1848 г. и 1956 г. с одной стороны, и фальшивых революций 1945-1948 гг., - с другой. Важно также, что этот процесс во всех странах (за исключением Румынии) был удивительно мирным; что граждане, поднявшись над своим изъеденным конфликта-

ми прошлым и нарушив все правила организации коллективных действий, сумели в массе объединиться для совместной борьбы, и что совместная их цель была не только в том, чтобы скинуть негодяев, но и в том, чтобы построить либеральную демократию. Даже опьяненные радостью и, несомненно, изумленные внезапной победой они не прекращали усилий по строительству нового и либерализованного политического строя. Короче говоря, каким-то образом "авторитарная история" смогла породить демократическую общественность.

Во-вторых, мы, возможно, слишком предвзято оценивали перспективы либеральной демократии с точки зрения восточноевропейской истории. В конце концов, все, что мы до сих пор могли установить, были важные различия в историческом развитии Востока и Запада. В этом смысле послевоенное разделение Европы не было чем-то совершенно новым. Но действительно ли либеральная демократия, как многие полагали, на Востоке невозможна вследствие этого разделения, или же это означает только, что путь к демократии на Востоке будет отличаться от западного? Здесь я не могу не вспомнить предсказание Александра Герцена: "Запад будет развиваться от свободы к социализму, тогда как Восток будет развиваться от социализма к свободе".

Необходимо переосмыслить восточноевропейскую историю таким образом, чтобы события 1989-1990 гг. вписывались в нее, и очистить наш анализ от того, что может быть, является западными предрассудками. Если мы повнимательнее посмотрим на историю сталинского периода, то станет ясно, что в этих странах уже давно действовали силы, разрушающие власть авторитаризма и создававшие социальную базу для демократии. Во-первых, компартии все больше страдали от ущерба, наносимого им конфликтами и расколами, которые ослабляли их и подрывали их способность править. Во-вторых, общества стали развивать свои права по мере того как накапливали ресурсы и отвоевывали у своих правителей все больше пространства для политических маневров. По иронии судьбы, сам сталинизм, если быть точными, породил эти два процесса и поэтому заложил какой-то фундамент для либе-

Почему коммунистические правители Восточной Европы столь много конфликтовали между собой? Ответ на этот вопрос дает повседневная практика Политбюро и Центрального комитета. Поразительная черта этого мира - отсутствие сколько-нибудь упорядоченной процедуры передачи политической власти от одного руководителя к другому. Это сделало политическую жизнь партийной верхушки чреватой конфликтами, поскольку мандаты на руководство не были закреплены определенными процедурами, но выдавались в произвольном порядке. Не было столь ясного разграничения, как, например, в американской политической системе, между политическими деятелями, ведущими предвыборную кампанию за пост (вынуждающую соперников бороться друг с другом за политическую власть), и процессом руководства (смягчающим конфликт ясным разделением на победителей и проигравших). Они постоянно вели кампанию. Победители становились в один прекрасный день проигравшими, и - наоборот. Если власть никогда не была скреплена какими-либо рамками, то расшатанной становилась и политическая жизнь. Политические деятели, неуверенные в своем положении, превращаются в конфликтующих политических деятелей.

Если крайняя текучесть руководства способствовала постоянному конфликту, то этому же способствовало то, что политическая деятельность в странах с системой советского типа стала профессией. В Соединенных Штатах мы привыкли к тому, что люди приходят в политику и уходят из нее. В сущности, мы обожаем непрофессиональных политиков. Однако в Восточной Европе политика является профессией, и все политические деятели на вершине - это пожизненные политики. Поэтому они воспринимают свои разногласия очень серьезно; посвятив всю жизнь политической карьере, они отчаянно боятся проиграть.

Это обострялось зависимостью восточноевропейских компартий в политической и экономической сферах от могущественного и зачастую капризного Советского Союза.

Из-за этой зависимости восточноевропейские компартии жили под прессом не только своей внутривнутрипартийной атмосферы, но и давления, исходящего от Советского Союза. Не случайно крупнейшие схватки внутри руководства восточноевропейских компартий хронологически совпадают с периодами, когда происходили перемены в Советском Союзе. Например, в Венгрии, Польше, Чехословакии и Восточной Германии борьба внутри руководства происходила в период перехода власти к Хрущеву; в Чехословакии - во время перехода власти от Хрущева к Брежневу; в Польше и Венгрии - во время перехода власти от Черненко к Горбачеву.

Расколотые компартии - это, конечно же, ослабленные компартии. Во-первых, им всё труднее и труднее осуществлять свою политику. В конце концов, ради чего должны бюрократы следовать за всеми изгибами политических перемен, являющихся результатом борьбы наверху, если это приводит лишь к нарушению привычного хода их жизни, и при этом они не могут быть до конца уверены, будет ли новый политический курс чем-то преходящим или сохранится в качестве константы политического пейзажа? Во-вторых, междуусобные конфликты наверху перераспределяют политическую власть от партии к обществу. Теряя способность выступать единым фронтом в глазах общественности, партия порождает сомнения относительно ее силы и способности руководить, подталкивая таким образом общество к тому, чтобы воспользоваться ослаблением партии. Не случайно, что периоды нестабильности руководства обычно совпадают с периодами массовой нестабильности в Восточной Европе. Вдобавок, борющиеся между собой группировки в руководстве стремятся получить поддержку в обществе, отчасти в силу боязни, что общество воспользуется расколом в руководстве и мобилизуется против партии. Это также усиливало позиции общественности по отношению к партии.

В довершение ко всему, внутренние распри в восточноевропейских партиях имели тенденцию со временем усиливаться. Отчасти это происходило потому, что расплата за поражение в политической борьбе становилась все менее

суровой - на смену смерти в качестве наказания за политическое поражение пришли увольнение на пенсию или назначение на более низкую политическую должность. Осознание меньшего риска утраты привело к ослаблению сдерживающих политический конфликт факторов. Конфликтность увеличилась и потому, что каждое сражение давало остаточные эффекты. Партии никогда окончательно не оправлялись от своих битв, а общество уже никогда полностью нельзя было втиснуть назад в смиренную рубашку прошлого.

Однако главной причиной нарастания внутрипартийной борьбы стали социально-экономические факторы. С одной стороны, их развитие создавало новые группы, желавшие получить свою долю пирога. Это уже не были однородные общества с могущественной партией, с одной стороны, и неграмотным крестьянством, - с другой. Новые группы в этом обществе рассчитывали, что их образ жизни будет соответствовать их образованию и общественному положению; в странах Восточной Европы сформировалась также группа экспертов, знавших больше, чем политики, и их совет и содействие были необходимы при разработке и осуществлении политической линии по отношению к обществу. Партия должна была прислушиваться к этим людям не только потому, что они могли взбунтоваться, но и потому, что даже в случае покорности они имели возможность саботировать политику партии.

С другой стороны, социально-экономическое развитие привело к достижению этими странами определенного уровня экономической зрелости. Отсчитывая же от этого уровня, можно было видеть, что неэффективность сталинской экономики приводила к замедлению темпов экономического роста. В результате правящие круги оказались в незавидном положении: им приходилось удовлетворять все возраставшие запросы, обладая все меньшими средствами для распределения.

Поскольку Советский Союз, их патрон, переживал аналогичный процесс, восточноевропейские партии проходили через нелегкое испытание отношений с Москвой. Советско-

восточноевропейский конфликт возрстал параллельно внутрипартийной борьбе в восточноевропейских компартиях. Конфликты обострялись внутри самих компартий, между компартиями стран Восточной Европы и КПСС, а также внутри каждой восточноевропейской страны между ее компартией и общественностью. Восточноевропейские коммунисты удерживали сомнительные лавры первенства в деле вовлеченности во все три вида конфликтов. В результате они оказались необычайно уязвимы.

Если сами партии со временем все более погружались в конфликты, то общественность этих стран, напротив, становилась все более единой и ее возмущение росло. Социально-экономическое развитие - продукт сталинизма - играло здесь решающую роль. Как писал Моше Левин⁷, и в условиях сталинизма развилось грамотное, сложное общество, довольно хорошо подготовленное к взрыву, разрушающему сталинистские запреты. Сталинизм также создал систему формальных всеобщих выборов и делал упор, конечно же, только на теоретическом уровне, на участие масс и народный контроль как критерии "хорошей" политической системы.

И, наконец, самое важное: сталинизм дал обществу, в свое время отличавшемуся раздробленностью, единую основу. Я имею в виду не то, что это общество стало более однородным в смысле религии, национальности и языка. Речь идет о явном разделении в этих странах на "имущих" (т.е. партию с ее политической и экономической монополией) и "неимущих" (т.е. лишенных всякого доступа к экономическим ресурсам или политической власти). В этих условиях представители общественности получали очень важный стимул к объединению. В частности, их общее одинаковое положение по отношению к партии: все они были государственными служащими, все зависели от партийно-государственного аппарата практически во всем, что имело хоть какую-то ценность - работа, квартира, образование, медицинское обслуживание, поездки, немногочисленные потребительские товары, равно как и политические права и влияние. Монополия партии на власть облегчила задачу общественности по

выявлению тех, кто несет коллективную ответственность за экономические, политические и социальные результаты, независимо от того, были ли они хорошими или плохими. Иными словами, обвинение партии за все стало очень мощным источником солидарности. Как заметил один американский политолог: "во времена политического кризиса люди определяют, кем они являются, в значительной степени по тому, кого они считают своими врагами"⁸.

Через общность опыта и проблем представители общественности пришли к осознанию общих ценностей и интересов. В определенном смысле можно сказать, что достигнутое в результате этого единство стало эффективным оружием слабых в коммунистической системе⁹. Однажды Лех Валенса объяснил единство польского общества весьма схожим образом:

"Здесь вы не можете просто сказать "рабочие", поскольку у всех, кто работает в этом обществе, существует общий коэффициент утрат и ограничений. Для рабочего это означает, что он зарабатывает мало и его надувают; для писателя - что ему не позволено писать или велено писать так, как он не хочет; для учителя - что он должен говорить неправду. Поэтому каждый из них по-своему угнетен системой".¹⁰

В условиях, когда общественность становится все более способной к коллективному мышлению, а партия - все меньше и меньше к коллективному действию, создается основа для перераспределения политической власти от партии к общественности. Поначалу обретение общественностью уверенности в своих силах проявляется в частых общественных протестах, ярким примером чего является Польша. Однако к концу 60-х годов восточноевропейские компартии начали осознавать, что их пребывание у власти зависит от их способности добиться согласия на то населения. Они должны были приостановить протесты, или, пользуясь выражением польского социолога Ядвиги Станицкас, найти способ их "абсорбирования". Партии начали торговаться, поначалу -

неформально, со своей все более ровистой общественностью. Когда авторитарные государства начинают торговаться с общественностью, они, конечно же, всячески рекламируют, что отныне они более не будут править лишь при помощи силы, поскольку должны "подсластить" авторитарное правление.

Сначала неформальные переговоры затронули сферу экономики. В частности, подразумевалось, что партия обеспечит обществу экономическую стабильность, если общество воздержится от политических протестов. В этой сделке общественность должна была принять правление компартии в обмен на весьма желательные гарантии от безработицы; субсидии на еду, квартиры, здравоохранение и общественный транспорт; и пусть скромное, но постепенное повышение уровня жизни. Предприятия также были включены в эту сделку. В обмен на признание "суверенитета" центрального планирования они получали значительные субсидии и гарантированный рынок для всего, что они производили. В результате, возможность банкротства была исключена, равно как и сокращение кадров или заработной платы. Более того, "реальная" экономическая реформа была невозможной, поскольку подобная реформа потребовала бы сокращения привилегий не только партии и бюрократов, но и директоров предприятий, и их работников, и потребителей.

Таким образом, "популярная" экономика должна была компенсировать "непопулярную" политику. Грубо говоря, ценой определенного политического итога (т.е. однопартийного правления) был определенный экономический результат (т.е. социально-экономические гарантии населению). Партия получала политические гарантии, а общество - экономические.

Этот "общественный договор" стал основой политической стабильности в Восточной Европе начиная с 60-х годов.¹¹ Особенно это было важно в таких странах как Венгрия, Польша, Восточная Германия и Чехословакия, экономически более развитых и, как следствие, обладавших большими возможностями удовлетворить свою более требовательную и более

сварливую общественность. В Болгарии и в Румынии общественный договор был менее разработан, но там общественность не имела никакой возможности продемонстрировать свое недовольство.

Хотя неформальная сделка между партией и обществом в Восточной Европе явно касалась экономики, она затрагивала и политику. Это было неизбежно, поскольку сталинская система больше, чем какая-либо иная, увязывает экономические вопросы с политическими. В условиях, когда партия-государство выполняет функции владельца экономики, работодателя и правительства, обладатель экономических ресурсов располагает и политической властью и - наоборот. Поэтому любое перераспределение экономических ресурсов обязательно стало бы и перераспределением политической власти.

Заключая подобного рода экономическую сделку, партии расписывались в своей политической слабости. В частности, они признавали, что не могут использовать драконовские методы для обеспечения своего правления. Более того, они признавали, что не рассчитывают на восторженную поддержку населения. Они удовлетворялись молчаливым соглашением, как это сформулировал польский социолог Ян Пакульский. Наконец, они как бы признавали, что политическое подчинение обусловлено выполнением партией своей части сделки.

Дальше всего процесс неформальных сделок зашел в Венгрии и в Польше. В этих странах от общественности откупались не только экономическими выгодами, но и предоставлением ей пространства для экономического и политического маневрирования. Точно так же как венгерская партия, которая смотрела сквозь пальцы на разгул коррупции и черного рынка в 70-е годы, польская компартия отреагировала на более чем 1.000 забастовок между 1976-1980 гг. тем, что дала забастовавшим большую часть требуемого ими. К 1980 г. забастовки стали столь повседневным явлением, что первый секретарь польской компартии Эдвард Герек во время крупных забастовок, которые привели к созданию "Солидарности", ушел в отпуск. В течение 70-х годов компартии

Венгрии и Польши расширили круг политической дозволенности в высказываниях, действиях и публикациях. В Польше, например, можно было печатать все что угодно, если тираж не превышал 100 экземпляров. Таким образом, "общественный договор" в Польше и в Венгрии привел к смягчению авторитаризма, который Миклош Харашти (бывший венгерский диссидент, а ныне депутат венгерского парламента) удачно назвал "бархатной тюрьмой".

Но к 60-м годам восточноевропейские компартии не только делали экономические уступки в обмен на политическую стабильность, они медленно но верно утрачивали право на власть. Компартии во все большей степени утрачивали способность контролировать экономическую и политическую сферы, от чего зависела их политическая преэминентность. В этом смысле внешне выглядевший внезапным развал политических и экономических структур в этом регионе в 1989 г. был на самом деле результатом длительного процесса.

В конечном счете сделка, заключенная между режимом и обществом, стала утрачивать силу. В первую очередь это произошло потому, что экономический потенциал исчерпался в 70-е годы. Многие факторы способствовали экономическому кризису. Речь шла не только о том, что зрелая экономика менее способна к быстрому росту, поскольку она исчерпала свои резервы капитала и рабочей силы, и что недостатки сталинистской экономической модели становятся более очевидными после того как уже совершен прорыв в индустриализацию. Причина была и в том, что общественный договор становился все более дорогостоящим.

С одной стороны, он вел к быстрому росту непродуктивных вкладов, таких как субсидии на потребительские товары и увеличение зарплаты. В то же время, общественный договор сделал невозможной экономическую реформу, поскольку породил антиреформистский союз тех, кому система была выгодна. И, наконец, общественный договор вынуждал эти партии занимать средства за рубежом, чтобы компенсировать отсутствие внутреннего капитала, как политического, так и

экономического. В результате Восточная Европа столкнулась теми же проблемами, которые встали перед "третьим миром" в конце 70-х годов: огромная внешняя задолженность, возрастающая не только за счет крупных займов, но и вследствие резкого роста учетных ставок в связи с энергетическим кризисом.

С исчерпанием политического капитала к 60-м годам, а экономического - к 70-м, эти режимы оказались к середине 80-х годов на пороге банкротства. В Венгрии, Польше, Румынии и Югославии банкротство было как политическим, так и экономическим. В Германской Демократической Республике (благодаря субсидиям ближайшего соседа) и в Чехословакии (благодаря, среди прочего, доходным патентам и отказу коммунистов от политики иностранных займов, в отличие от всех остальных стран блока), политическое банкротство не сопровождалось столь суровым экономическим кризисом. Но во всех случаях эти режимы стали хрупкими, и их развал был лишь делом времени. Все, что для этого требовалось - это приход к власти в Советском Союзе политического деятеля редчайшего типа, который сочетал бы рациональное и радикальное начала. Неудивительно, что кризис раньше всего наступил в Польше и в Венгрии - речь идет о странах, где серьезные экономические трудности происходили в либеральной политической среде. В других странах на это потребовалось больше времени, но не намного, после того, как Горбачев дал ясно понять, что не будет поддерживать сталинизм в этих странах.

Ирония судьбы в том, что самая авторитарная форма правления в истории Восточной Европы - послевоенный сталинизм, могла существенным образом содействовать развитию либеральной демократии в этом регионе. Но если кто-нибудь сомневается в том, что сталинизм сам посеял свою смерть, то неопровержимым свидетельством является 1989 г., когда все компартии региона раскололись. И во всех этих странах сплоченные народные массы поднялись на борьбу за политическую власть. Такая синхронность вряд ли могла быть простым совпадением.

Нынешний контекст

Таким образом, исторический обзор приводит к заключению, что будущее демократии в Восточной Европе неоднозначно, однако в целом ее перспективы не столь уж мрачны, как их пытаются изобразить пессимисты. О чем свидетельствуют события прошлого года? Какой вывод о политическом будущем этого региона можно сделать, основываясь на анализе развития сталинистских режимов, мер, предпринимаемых ныне новыми правительствами, и нынешнего политического и экономического контекста региона? Здесь тоже имеются основания для осторожного оптимизма.

Рассмотрим события 1989 г. Произошедшее в Восточной Европе Тимоти Гэртон Аш удачно определил как "революция", т.е. процесс перемен, сочетающий в себе элементы реформы (в смысле мирного движения за перемены) с элементами революции (т.е. радикальных перемен в самой структуре политической системы)¹². Вопрос, на который требуется ответить: хороша или плоха для либеральной демократии комбинация таких перемен?

Главная проблема, возникающая на таком пути к политической либерализации, в том, что он не позволяет прочертить ясную разграничительную линию, отделяющую страну от ее авторитарного прошлого - границу, которую многие теоретики демократии считают принципиально важной. В результате восточноевропейские реформаторы вынуждены строить новый политический порядок, используя для этого обломки старой системы.

Что это означает на практике? Рассмотрим в качестве примера первое правительство в этом регионе, которое возглавила оппозиция - правительство Тадеуша Мазовецкого в Польше. Здесь коммунисты все еще (в момент написания статьи. - Ред.) удерживают несколько ключевых министерских постов, включая министерства обороны и внутренних дел. По замечанию бывшего венгерского диссидента Миклоша

Вашаргели, польские коммунисты удерживают в своих руках именно те министерства, которые возглавили венгерские коммунисты в 1947 г. (до прихода коммунистов к власти. - Ред.), и мы знаем, чем это закончилось. Более того, кабинет президента Польши в силу формальных и неформальных соглашений, достигнутых на переговорах за круглым столом, по-прежнему занимает генерал Войцех Ярузельский, хотя Лех Валенса все больше присматривается к месту Ярузельского, который руководит большим аппаратом и обладает существенной формальной властью. Наконец, до выборов в мае 1990 г. польские коммунисты удерживали в своих руках политическую власть на местном уровне.

Примерами сохранения старого порядка в нетронутом виде могут служить Болгария и Румыния. В Болгарии коммунисты одержали решающую победу над крупной оппозиционной группировкой Союз демократических сил на июньских выборах¹⁵. Что же касается Румынии, то до сих пор не ясно, завершила ли Декабрьская революция эпоху правления коммунистической партии или всего лишь скинула Чаушеску и его жену. Результаты последних выборов в Румынии, на которых с большим преимуществом победил коалиционный фронт, включающий большое число бывших коммунистов, еще больше ставит под сомнение природу румынской революции. Ирония судьбы состоит в том, что единственная "настоящая" (насильственная. - Ред.) революция в Восточной Европе в 1989 г. является наглядным примером провала попытки порвать с коммунистическим прошлым.

Этот провал создал серьезные трудности для нового режима. Одна из проблем - что делать с проигравшими. В условиях "настоящей" революции такие вопросы не возникают. Например, после прихода коммунистов к власти в Китае в 1949 г. большинство оказавшихся на проигравшей стороне или были убиты или эмигрировали. Это предоставляло новому режиму ряд преимуществ. С одной стороны, проигравшие были не в состоянии перегруппироваться и создать угрозу власти нового правительства. Более того, ликвидация старого режима и создание нового могучего государства усилили поддержку

новому порядку. Монополия китайских коммунистов на власть дала им возможность вознаградить старых друзей и обеспечить приток новых. Наконец, коммунистическая революция в Китае позволила провести ясную разграничительную линию между победителями и побежденными. В результате дебаты относительно виновности были преданы забвению, а энергия была направлена на создание нового политического, экономического и общественного порядка.

При проведении "бархатной" (как называли ее чехи) революции оппозиция, пришедшая к власти в Восточной Европе, создала тем самым для самой себя проблему: что делать с людьми, составлявшими хребет власти компартии. Как положено крайне вездесущим политическим системам, численность таких людей велика. В Польше, например, более 900 тыс. человек занимали посты, на которые назначала партия. В результате новые восточноевропейские режимы должны соблюдать предосторожность, имея дело с бюрократами и чиновниками старого режима. Они должны проводить чистку, затрагивающую большое число людей, и одновременно создавать новые механизмы набора кадров; они должны не допустить озлобления проигравших в политической борьбе, чтобы те не нашли способ перегруппироваться и бросить вызов новому режиму; они должны каким-то образом найти применение способностям этих людей, которые, по крайней мере, в верхнем эшелоне, хорошо образованы и опыты.

Новым режимам придется также уговаривать раздраженную общественность своих стран не растравлять раны мстостью сторонникам старого режима. Ужасы аргентинской истории служат примером, что политика отмщения может принять весьма неприятные формы и найти отражение не только в избирательных бюллетенях, но и в подсчете трупов. Даже если дело не дойдет до таких крайностей, политика отмщения порождает бесконечные дискуссии о том, где граница между виновными и в сущности "невинными людьми, причастными к режиму в силу обстоятельств". В конце концов, нельзя обвинять в грехах старого режима всех, кто на него работал; многие люди получали свои посты от партии лишь потому, что партия

сосредоточила всю власть в деле назначений, и многие вступали в партию лишь потому, что это было так же необходимо для получения работы, которую они заслуживали, как надеть костюм, когда приходишь устраиваться на работу. Поэтому, если легко определить ответственность, скажем, первого секретаря компартии, то значительно сложнее определить отношение к директору школы, который тоже был членом партии. В странах, где процесс либерализации растянулся надолго, например, в Венгрии, провести эту границу еще труднее. Например, как определить различие между коммунистом-реформатором и социал-демократом?

Одна из проблем состоит в том, что новые руководители большую часть своей жизни были диссидентами-интеллектуалами в сталинистской системе. Такой опыт, похоже, не самая благоприятная почва для развития навыков, необходимых политическому деятелю в демократическом обществе, - таких, например, как умение заключать соглашения, идти на компромиссы и, в более широком смысле, уживаться с врагами. Другая проблема в том, что роли, которые эти реформаторы должны одновременно играть, выдвигают противоречивые требования. С одной стороны, они должны быть "типичными" политиками, говорить и делать почти все, что угодно, чтобы добиться поддержки общества. С другой стороны, они должны заботиться о благосостоянии страны, поскольку они, в определенном смысле, являются повивальными бабками при рождении либерального демократического порядка.

Карьера Леха Валенсы дает представление о сложностях, порождаемых этими противоречивыми требованиями. Сначала Валенса продемонстрировал восхитительную способность примирять эти несовместимые роли. В частности, он изящно сделал переход от диссидента к политическому деятелю. Он создал очень важный прецедент терпимости по отношению к проигравшим в политической борьбе, дав ясно понять во время переговоров за круглым столом и впоследствии, что коммунисты и антикоммунисты могут заключать прочные соглашения. Однако недавно Валенса продемонстрировал противоречивость своей позиции, когда он является

одновременно политиком популистского толка и государственным деятелем, ответственным за демократическое будущее Польши. Он публично поставил под сомнение целесообразность политики шоковой терапии правительства Мазовецкого и ее соответствие интересам польского народа, а также выступил на манер популярного в межвоенный период польского диктатора (хотя и диктатора благодушного) Йозефа Пилсудского. Обе эти стратегии вполне разумны с точки зрения демократической политической системы, поскольку находятся в русле забот польской общности - стремление иметь сильного лидера и желание покончить с экономическими жертвами. Но это плохая политическая игра с точки зрения будущего либеральной демократии в Польше. Чтобы пережить этот трудный экономический период, правительство Мазовецкого нуждается в команде игроков, но меньше всего ему нужен политик популистского толка, возбуждающий отнюдь не демократические чувства польской общности.

Несмотря на трудности, возникающие вследствие перемен одновременно революционного и реформистского характера, этот тип перехода не обязательно наносит вред перспективам либеральной демократии. Можно даже доказать, что это особый путь прекращения коммунистического правления, когда без насилия и полного искоренения старого политического порядка все-таки закладываются основы перехода к либеральной демократии.

В восточноевропейских странах огромное число людей выступало вместе, преследуя общую цель, стремясь не просто свергнуть коммунистов, но и создать либерализованный политический порядок. Революции же, напротив, менее целенаправлены и упорядочены, огромное число людей выступает отдельно, преследуя самые разные цели. Поэтому дух "революции" лучше отражает принцип "объединяй и властвуй", тогда как "разделяй и властвуй" больше годится для революций. "Революции" порождают высокую степень консенсуса, тогда как революции сохраняют жгучие раздоры. Это одна из причин, по которой трудно остановить рево-

люционное насилие.

Распространяя опыт успешных коллективных действий, восточноевропейское развитие стало, если пользоваться ленинским выражением, своего рода школой демократии. На улицах или за круглыми столами, за которыми собирались вместе коммунисты и оппозиция, этот процесс перехода политической власти дал восточноевропейцам возможность вкушать дух свободы, дух сотрудничества и осознание возможностей возмущенной общественности, отказавшейся от насилия и объединившейся в мирном сотрудничестве для достижения общей цели. Более того, произошедшее с момента смены власти свидетельствует в пользу будущей либеральной демократии. Соединяя старое и новое, бунтари усваивают возможно самый трудный урок либеральной демократии - как договариваться и уживаться с врагами.

Теперь уместно подвести итоги тому, что сделано для перехода к демократии, как далеко зашли новые режимы в Восточной Европе в либерализации политической жизни. Ответ на оба вопроса одинаков: очень далеко. Рассмотрим многочисленные достижения. Поражает, что эти режимы, особенно в Польше, Венгрии и Чехословакии, смогли достичь значительного прогресса на всех подступах к либеральной демократии, перечисленных выше¹⁴. Во-первых, без всякого сомнения, эти страны обрели самые широкие за всю свою историю гражданские свободы. Книжки, долгое время запрещенные, теперь доступны в огромных количествах. Общественный диалог стал столь же открытым и острым, как в Соединенных Штатах (если не больше); формируются самые разнообразные группировки, способные принудить прислушаться к их политическим требованиям. Во-вторых, Польша, Чехословакия и Венгрия, в особенности, предпринимают первые шаги по установлению правления закона, ответственной и рациональной бюрократии. В сущности, эти две задачи являются первоочередными в программах всех новых правительств в значительной степени потому, что людей, живших при сталинизме, больше всего раздражал капризный и непредсказуемый ход политики. И, наконец, каждое из этих

новых правительств привержено идее децентрализации экономических ресурсов. Хотя этот пункт находится лишь в стадии планирования в большинстве этих стран, Польша и Югославия зашли дальше в выполнении, по крайней мере, двух условий экономической либерализации - введения рыночной системы и свободной торговли. Чехословакия и особенно Венгрия, скорее всего, сделают то же самое в ближайшем будущем.

Однако прогресс особенно нагляден в формировании представительных правительств. Во всех восточноевропейских странах создана парламентская система или - по образцу французской Пятой республики - смешанная парламентско-президентская система. Во всех этих странах парламент стал суверенным. Избирательные системы, которые в большинстве случаев являются гибридами французской и немецкой систем, предусматривают реальное и справедливое соперничество и хорошо разработанные процедуры, что гарантирует весомость каждого голоса.

Политическая структура новых систем соответствует стандартам представительного правительства, и, похоже, это не только на бумаге, но и на практике. Например, Польша достигла ощутимого прогресса в создании сильного парламента. Было вполне возможно, что представители "Солидарности", избранные в польский парламент в июне 1989 г., окажутся довольно слабыми и разобщенными депутатами. Ведь они попали в парламент, который в течение многих лет лишь выполнял волю польской компартии, а депутаты от "Солидарности" меньше всего были похожи на уверенных в себе профессиональных парламентариев и не только потому, что многие из них были далеки от профессиональной политики интеллигентами (например, лидер фракции "Солидарности" в парламенте Бронислав Геремек является историком-медиевистом), но и потому, что, будучи inexperienced в политической борьбе, они были новичками в общественной политике.

Однако несмотря на эти трудности, депутаты от

"Солидарности" показали себя весьма изощренными и активными законодателями. Им удалось предотвратить формирование правительства коммунистами после июньских выборов. Они очень серьезно отнеслись к своим обязанностям по надзору за правительством. К великому огорчению правительства Мазовецкого, эти якобы "свои" депутаты устроили суровый и перекрестный экзамен многим кандидатам, предложенным Мазовецким в качестве министров, которые тоже были сторонниками "Солидарности". Эти законодатели отнюдь не были пассивными участниками процесса правления. Например, они деятельно участвовали в разработке мер по экономической стабилизации, проведенных в Польше в январе, и, не колеблясь, потребовали от членов правительства прибыть в парламент, чтобы лично защитить состоятельность своей политики. Так что парламентский суверенитет в Польше является реальным фактом.

Выборы дали еще один пример успешного практического претворения восточноевропейцами демократических принципов. Во всех восточноевропейских странах утвердилась многопартийная система, и в каждой выборы в парламент проводятся на многопартийной основе. Все прошедшие до сих пор выборы были справедливыми (судя по моим личным наблюдениям, а также выводам представителей участвовавших в них политических партий и международных наблюдателей). Серьезность, с которой восточноевропейцы относятся к демократии, и их сознательное политическое участие очевидны из распространяемой литературы и из дебатов между кандидатами. Об этом же свидетельствует процесс регистрации избирателей и высокий процент участия в выборах¹⁵. Число голосовавших в каждом случае соответствовало западноевропейским стандартам (т.е. было выше, чем в США), несмотря на головокружительную скорость создания новых избирательных и партийных систем и сложность системы голосования и системы партий.

Прогресс в формировании либерально-демократических институтов и процедур впечатляет еще больше, если вспомнить, что речь идет об очень молодых режимах. Возможно,

либеральная демократия не столь уж сложная форма правления, что я пыталась показать раньше. Возможно, сталинистские системы давали гораздо лучшую подготовку к демократии, чем многие предполагали.

Конечно, еще имеются нерешенные проблемы, по причине новизны этих режимов. Во-первых, политический процесс разворачивается в этих системах на основе многопартийной конкуренции, однако эта конкуренция еще не институционализована. Дело не только в том, что эти партии и избирательные процессы слишком молоды и не укоренились глубоко в обществе. Это происходит еще и потому, что новые восточноевропейские партии во многих случаях базируются на довольно узких страхах общества. Одна из ключевых проблем заключается в том, что в этих странах имеются социал-демократические традиции, однако еще нет работоспособных социал-демократических партий. Так, в Венгрии, где в марте за власть боролись более 50 партий, рабочий класс в сущности остался "беспартийным".¹⁶ Среди причин этого следует назвать вакуум, образовавшийся после ухода коммунистов, а также тот факт, что в крупнейших партиях - "Свободные демократы" и "Демократический Форум" доминировала будапештская интеллигенция. Вдобавок, грустное состояние венгерской экономики и необходимость суровых экономических мер в будущем весьма усложнили задачу партий по завоеванию популярности среди рабочего класса, поскольку они не могли пообещать всеобщей занятости, низких цен и, в более широком аспекте, - улучшения качества жизни.

Как оценить достижения и проблемы новых режимов на сегодняшний день? Возможна оценка на основе ранних примет - насколько дальше эти режимы продвинулись в придании политическим результатам более неопределенного характера (т.е. в введении конкуренции), чем в придании большей определенности политическим процедурам (т.е. в введении правления закона и процедурных норм по урегулированию политических конфликтов). Но пока и такую оценку нельзя дать. Плюрализм и участие в политической жизни создать легче, чем выработать процедурные нормы, поскольку созда-

ние рациональных и более гибких в плане обратной связи процедур и их внедрение требует ликвидации старой системы и ее институтов, трудоемкой и мало увлекательной работы по созданию новой юридической системы и формированию администрации. Более того, в этих странах имеются исторические прецеденты плюрализма и участия общества в политической жизни, поэтому расширение этих традиций было не столько вопросом уравнивания интересов различных групп, сколько игрой на популярных и относительно общепринятых ценностях. Тем не менее, в этом регионе ни где, кроме Чехословакии, создание юридической системы и бюрократии в рамках либеральной демократии не имеет исторических прецедентов. Это должно создаваться с нуля. Кроме того, при такого рода реформах происходит весьма конкретное перераспределение власти, и поэтому возникают конфликты ценностей и интересов - что является взрывоопасной смесью. И, наконец, хотя время является важным фактором и для того, чтобы неопределенные политические результаты укоренились в культуре и политике, оно в еще большей степени важно для установления правления закона и демократически настроенной бюрократии.

Все это, конечно, означает, что сегодняшние восточноевропейские режимы являются гибридами, порожденными необходимостью. Они находятся между двумя полюсами - государственным социализмом и либеральной демократией - и могут быть определены как режимы, действующие в направлении либерализации. Эти режимы сочетают все более непредсказуемые политические результаты с процедурами, которые все еще остаются относительно неопределенными, что создает вдвойне неопределенную политическую атмосферу и очень много путаницы. Однако это не может быть основанием для тревоги, поскольку, даже будучи запутанными, восточноевропейцы продемонстрировали подлинный дар определять, что требуется для либеральной демократии. Они зашли настолько далеко в создании основ либеральной демократии, насколько это было разумно ожидать и даже дальше.

Угроза нестабильности

Тем не менее, либеральные демократии - это не только продукт "правильных" институтов и процедур. Это также продукт "правильного" общества. Общество, которое находится в состоянии войны с самим собой и со своим правительством, способно разрушить либерально-демократические процедуры и институты. В частности, демократия может оказаться в опасности, если возмущенные группировки, соперничая, будут предъявлять государству непримиримые требования¹⁷, самовольно принимать решения, обходя демократические процедуры, или отказываясь подчиниться результатам (таким как результаты выборов или парламентское решение). В конечном счете такая практика приведет к политической нестабильности. Правительство может находиться в своих креслах, но факт его пребывания у власти будет поставлен под вопрос.

Похоже, политическая нестабильность генетически заложена в либеральной демократии. Дело не только в том, что при таких режимах политических конфликтов больше нормы. Дело еще и в том, что новым либеральным демократиям именно потому, что они новые, труднее урегулировать такие конфликты. Во-первых, общественную поддержку они получают лишь на каких-то условиях, а не как само собой разумеющееся. Эти правительства не могут воспринимать политическое подчинение как обеспеченное, они должны его зарабатывать. Кроме того, молодым демократическим правительствам трудно принудить общество ограничить свою политическую деятельность рамками только что созданных демократических процедур и институтов. Эти институты и процедуры еще непривычны. Ведь новые демократии зачастую создавались в результате политических протестов, выходящих за те рамки законности, которые были определены прежним режимом. И, наконец, новым демократиям трудно остановить конфликты, которые выходят за рамки политически приемлемых границ. Если они проявят терпимость по отношению к такому поведению, то тем самым обесценят демократические процедуры, одновременно подставив себя под обвинение в слабости. Но если они применяют силу, чтобы

остановить эту деятельность, их могут обвинить в возврате к авторитаризму.

Вдобавок к этим "коренным" проблемам, свойственным любому переходу от авторитаризма к либеральной демократии, перед восточноевропейскими странами стоят еще две проблемы, которые делают их крайне уязвимыми в условиях политической нестабильности: огромные экономические трудности и наличие национальных меньшинств, в той или иной мере готовых к восстанию. Сначала обратимся к экономике.

Экономика находится в чудовищном состоянии. Поляки, венгры, румыны и югославы прошли через десятилетие упадка их уровня жизни. Не приходится и говорить о менее очевидных показателях экономического спада. Например, экономические трудности в сочетании со сталинистской инвестиционной политикой привели к глубокому экологическому кризису (особенно в Чехословакии, Польше, Восточной Германии и Венгрии); финансирование экономической инфраструктуры было столь недостаточным, что, по выражению одного чешского политика, машинный парк его страны превратился в "музей промышленной революции". Социальная же инфраструктура пришла в такой упадок, что, к примеру, в Венгрии сокращается средняя продолжительность жизни взрослых и возрастает детская смертность.

Что же можно предпринять? Очевидно, экономика этих стран должна пройти капитальный ремонт. На практике это означает, что они должны либерализоваться¹⁸. Только переход к рынку, приватизация и свободная торговля - главные компоненты экономической либерализации - могут дать экономике этих стран силы для конкуренции и создать стимулы, капитал и рынки, которые необходимы, чтобы экономика стала более эффективной и производительной. Однако экономическая либерализация - это всегда процесс, несущий в себе политический заряд, потому что она требует добровольного ухода государства из сферы экономического планирования, отказа от политического и экономического контроля и в то же время требует, чтобы общество приняло

надвигающуюся неопределенность, а зачастую - и жестокость внутреннего и международного рынка. В условиях государственного социализма протекционизм внутри страны (например, субсидии для защиты производителей и потребителей) и протекционизм на границах (широкое использование тарифов) имеют много сторонников. Прекращение протекционизма болезненно отразится не только на власти имущих, но и на наименее защищенной части населения¹⁹. Экономическая либерализация перераспределяет экономические нагрузки и выгоды. Всякий раз, когда экономика корректирует вопрос о том, кто будет победителем, а кто - проигравшим, возникает политический конфликт. (Посмотрите, к примеру, что происходит в США каждый раз, когда на повестку дня Конгресса ставится вопрос о налоговой реформе).

По нескольким причинам экономическая либерализация является особенно болезненной в восточноевропейском контексте. Во-первых, она грозит суровыми испытаниями странам, которые и без того находятся в тяжелейшем экономическом положении и вряд ли в состоянии выдержать новые экономические потрясения. (Эти суровые испытания уже дали о себе знать в Польше и Югославии, где в результате политики экономической стабилизации жизненный уровень резко упал²⁰.) Больше того, экономическая либерализация обнажает все те экономические проблемы, которые долгое время тщательно камуфлировались политикой зарубежных займов, системой внутрирегиональной торговли и цен и созданием искусственной занятости рабочей силы и рынков²¹. Либерализация экономики будет болезненным процессом для восточноевропейцев еще и потому, что это в буквальном смысле слова перевернет экономику с ног на голову. Будут подвергнуты сомнению все принципы, на которых покоилась экономика этих стран, поскольку либерализация экономики противопоставляет рынок плану, частную собственность - государственной, и интеграцию в мировой экономике - протекционизму.

Вряд ли следует удивляться, что экономическая ли-

берализация не имеет естественной социальной опоры в этих "полусоциалистических" государствах. Во-первых, существуют серьезные культурные препятствия на пути к либерализации. В этих обществах ценится социально-экономическое равенство, а рынок и частная собственность неизбежно приносят с собой неравенство. Более того, эти общества будут испытывать большой дискомфорт относительно прочерченной либерализацией экономики границы между "царством доллара и царством прав" (по выражению известного экономиста Артура Окуна). Для восточноевропейцев здравоохранение, жилье, работа и т.п. являются правами, а не привилегиями. Тем не менее, атмосфера более либерализованной экономики переводит их в разряд оплачиваемых благ.

Проблема не ограничивается лишь ценностями; речь идет и об интересах. Долгое время граждане этих стран были защищены от давления конкуренции как внутренней, так и зарубежной. В результате они представляют собой огромную коалицию в поддержку протекционизма. В частности, партийная номенклатура и чиновники планового аппарата не желают расставаться со своей экономической властью, тем более потому, что испаряется их политическая власть; директора предприятий не желают расставаться с гарантированными рынками сбыта, рабочие - с гарантированной занятостью, а потребители - с субсидированными товарами первой необходимости. В сущности, в силу долгой изоляции от мировой экономики эти страны не обладают естественным двигателем экономической либерализации - сектором экономики, ориентированным на экспорт. Поэтому, несмотря на легкое достижение единодушия, когда речь шла о том, чтобы выбросить на свалку коммунистическое правление, достичь единодушия относительно отказа от экономики, которую это правление породило, значительно сложнее. Никто не хочет иметь неэффективную экономику, но все хотят сохранить прежние льготы.

Наконец, экономическая либерализация будет болезненной для стран Восточной Европы, поскольку она будет проходить

одновременно сполитической либерализацией. Новые режимы привносят элементы риска в общества, которые в течение долгого времени не подвергались ни политическому, ни экономическому риску. Конкуренция в политической и экономической сферах, что по сути дела и представляет собой либерализация этих сфер, означает, что компартия утратила политический щит, а общество - экономический. Эти утраты в сочетании с неопределенными процедурами, которые характеризуют частичный отход от сталинизма, усугубляют ситуацию неопределенности, с которой сейчас столкнулись восточноевропейские общества, когда неопределенности процедур сопутствует неопределенность результатов политической и экономической деятельности.²² Это грозит хаосом, а хаос является плодотворной почвой для политической нестабильности. В лучшем случае общественность займется поиском козлов отпущения. Профсоюзы, жаждущие получить поддержку, начнут играть на непосредственных опасениях рабочих, а политики, жаждущие заполучить избирателей, - на их предрассудках и страхах. Этот процесс уже можно было наблюдать в Югославии, где глава республики Сербия Слободан Милошевич завоевал значительную поддержку нападениями на легкие объекты - словенцев и албанцев, которые все больше недовольны сербским правлением.

Можно, конечно, возразить, что тяготы укоренения экономической либерализации не будут длительными, и общество будет вознаграждено за свои жертвы ее выгодами в виде растущих и расширяющихся экономических возможностей. Однако мирное отстранение компартий от власти делает видимыми лишь краткосрочные перспективы, а народы стран Восточной Европы могут оказаться нетерпеливыми. Граждане этих стран могут недоумевать, почему если им столь быстро удалось ниспровергнуть компартии, они не могут получить столь же быстро экономические выгоды от свержения коммунистов. Более того, общественность этих стран, обездоленная в экономическом отношении, сумевшая и пожелавшая в 1989 г. привести своих политиков к ответу за состояние экономики, вполне может повторить эту акцию.

Проще говоря, восстания 1989 г. могут быть репетицией акций 1990-х годов. Наконец, экономическая либерализация не дает никаких долгосрочных гарантий. Когда польского министра финансов Лешека Бальцеровича спросили, когда же драконовские экономические меры, принятые в Польше, принесут экономическое вознаграждение, он ответил, что не имеет об этом ни малейшего понятия. Если уж Бальцерович не уверен, что сегодняшние жертвы завтра приведут к экономическим выгодам, то что же говорить о польской ответственности? Неудивительно, что после долгого перерыва в Польше вновь начались забастовки.

Ключевым является тот факт, что ни одной стране не доводилось прежде совершить экономический переход от социализма к капитализму, и это столь же трудно, сколь беспрецедентно. Поляки и другие восточноевропейские народы являются подопытными кроликами. Можно лишь гадать, легче ли будет подопытным кроликам в период эксперимента по переходу к капитализму, чем в течение столь долгого социалистического эксперимента.

Таким образом, экономика является серьезным препятствием на пути к либеральной демократии в Восточной Европе. И как будто этого бремени недостаточно, на политическую сцену вышли межнациональные трения. Примером тому является политика Слободана Милошевича в Югославии. При прочих равных условиях многонациональные государства менее стабильны, нежели национально однородные. Этнические и религиозные трения нарастают в Венгрии (это, главным образом, рост антисемитизма), в Болгарии (турецкий вопрос), в Трансильвании, входящей в состав Румынии (где венгры противостоят румынам), и, наконец, в Югославии. Югославия представляет собой плавильный тигль, где плавка не получилась.

Когда национальные различия сочетаются с другими, имеющими социальное значение, как, например, в религии, культуре, политическом и социальном статусе и распределении экономических ресурсов, многонациональные

государства особенно предрасположены к политической нестабильности. Национальная принадлежность в этих условиях выступает как суммарный показатель и определяет друзей и врагов. Этот достойный сожаления "избыток" различий является проблемой во всей Восточной Европе. Его можно наблюдать на примере национальных и экономических различий между чехами и словаками; религиозных, культурных и классовых различий между евреями и неевреями в Венгрии; различий в религии, культуре и социальном статусе между румынами и венграми в Трансильвании. Однако самые острые противоречия опять приходятся на долю Югославии.

Многонациональные государства оказываются особенно подверженными гражданским и международным конфликтам в том случае, если части наций, составляющих национальное большинство в этих странах, являются национальными меньшинствами в какой-либо другой стране. Например, конфликт между румынами и венгерским меньшинством в Румынии привел к сильной напряженности в отношениях между румынским и венгерским правительствами. Эта напряженность усилилась в результате вспышек насилия в Трансильвании и стремления некоторых венгерских политиков сыграть на обеспокоенности своих избирателей этим вопросом. В Восточной Европе национальные и государственные границы зачастую не совпадают, что усугубляет национальные проблемы и усложняет межгосударственные отношения. В ближайшее время возможно усиление напряженности между Болгарией, Югославией и Грецией по македонскому вопросу; между Албанией и Югославией из-за албанского меньшинства в Югославии; между Болгарией и Турцией из-за турецкого меньшинства в Болгарии; и между Югославией и Румынией из-за сербского меньшинства в Румынии. Уже и говорить приходится о возможности нарастания конфликтов относительно народов, разделенных между восточноевропейскими странами и западными республиками Советского Союза. Например, в Литве имеется большое польское меньшинство, а Советская Молдавия по всем критериям близка к Румынии.

Наконец, в многонациональных государствах, проходящих одновременно процессом политической и экономической либерализации, вероятность возникновения нестабильности особенно велика. При столь большой неопределенности и при столь многих возможностях выразить недовольство, межнациональные трения могут возникнуть очень легко. Возмущенные и неуверенные в завтрашнем дне граждане могут объединиться по первородному принципу с целью закрепления своей принадлежности, приобретения надежного для себя места при новом порядке и проведения черты между "своими" и "чужими". В этих условиях национальная принадлежность с большой степенью вероятности станет основным фактором при распределении дефицитных ресурсов, таких как деньги, ценные потребительские товары и политическая власть. Поэтому, например, венгры в Румынии будут голосовать только за венгров, а венгры, имеющие доступ к каким-то дефицитным товарам, будут стараться сделать так, чтобы они доставались прежде всего другим венграм²³.

Это мрачная перспектива для тех стран, в которых обострены как межнациональные, так и экономические проблемы. Этим двойным проклятием заклеены Югославия и Румыния. Польша и Венгрия находятся в несколько более благоприятном положении, так как экономические неурядицы там сочетаются с относительной этнической однородностью²⁴, а в Болгарии, имеющей серьезные национальные проблемы, экономика меньше обременена внешним долгом, хотя и не очень развита. Лишь в Чехословакии национальная проблема выглядит относительно поддающейся регулированию, а экономический кризис не столь суровым. Однако чехословацкие проблемы кажутся не столь ужасными лишь в сравнении с проблемами ее соседей.

Означает ли это, что восточноевропейские страны слишком нестабильны, чтобы в них могли укорениться либеральные демократии? Пессимисты ответят утвердительно, доказывая, что общество в этих странах настолько раздражается межнациональной напряженностью и поражено экономическими проблемами, что не может стать демократическим.

Однако я так не думаю. Во-первых, нет оснований считать, что межнациональные трения в этом регионе обязательная и постоянная их черта. Можно было с уверенностью предсказать, что такие конфликты вспыхнут, как только распахнется дверь к свободному самовыражению. Но действительно ли люди выражают таким образом свои сокровенные чувства или они пользуются возможностью выпустить долго удерживаемый пар, даже если выражаемые чувства уже не имеют смысла и силы? Иными словами, не есть ли эти трения лишь перепевами прошлого, которые рано или поздно исчерпаются? Это вполне возможная гипотеза относительно Польши, Венгрии и Чехословакии. Однако на такой исход трудно надеяться в Румынии, Югославии и Болгарии, где нынешние трения в прошлом неоднократно прорывались через сталинистский барьер, т.е. до 1989 г., и поэтому, похоже, пустили глубокие корни²⁵.

Даже если предположить, что экономические и межнациональные трения в регионе и впредь будут суровыми, это не фатально для демократии. Мы можем констатировать только, что общество в восточноевропейских странах расколото по национальному признаку и недовольно экономическим положением. Однако неизвестно, направлен ли его гнев на правительства; желают ли и способны ли раздраженные граждане вынести свое раздражение на улицы, и способны или нет новые правительства умерить общественный гнев или направить его в такое русло, чтобы он не угрожал либеральной демократии. Неясно, представляет ли нестабильность в Восточной Европе угрозу новым режимам или будущему самой либеральной демократии.

В результате либерализации восточноевропейцы ныне менее заинтересованы в коллективных акциях против государства, да и возможностей это делать теперь у них меньше. В 1989 г. людей объединяло их общее экономическое и политическое бесправие, очевидность вины коммунистов во всех бедах и необходимость согласованности действий против сильного, как тогда казалось, государства. Единство укреплялось также пониманием узости диапазона поли-

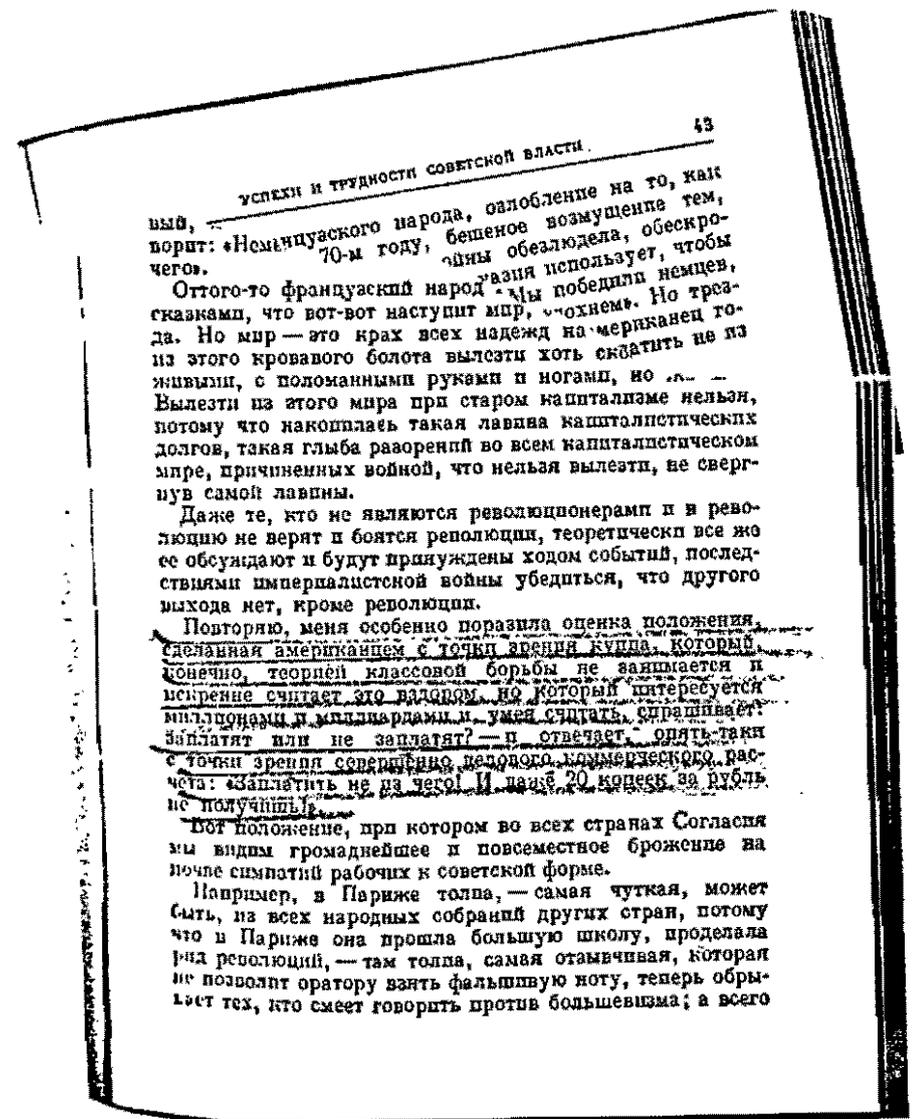
тического выбора. Разгневанные граждане могли или протестовать или пребывать в апатии; они могли или поддерживать режим или присоединиться к оппозиции.

Сегодня условия для протеста совсем иные. В результате плюрализации политики и экономики в обществе проявилось множество различных и конфликтующих интересов, и проведение коллективной акции стало более трудной задачей. Кроме того, стало труднее и выдвигать обвинения, когда руководители избираются свободно на многопартийной основе, а экономические результаты дают рынок и цены, а не правительство. Наконец, существенно расширился диапазон политического выбора. Можно присоединиться к разным партиям, а не к одной. Можно присоединиться к разным группировкам, а не только к таким, которые ассоциируются с единственной партией. И, наконец, существует широкий диапазон политической активности между полюсами апатии и протеста.

Короче, в запасе у этих режимов гораздо больше средств, чем мы можем себе представить, и к тому же либерализация сама по себе помогает снизить угрозу политической нестабильности. Мы на Западе привыкли видеть восточноевропейскую историю в исключительно детерминистском свете и склонны рассматривать тамошние события сквозь призму нашего собственного опыта, и поэтому эти возможности зачастую остаются скрытыми от нас.

Оправдает ли международное сообщество надежды на его потенциальную роль союзника демократии — открытый вопрос. До сих пор Запад никак не обнаружил намерения предложить Восточной Европе помощь или ресурсы в масштабах, соизмеримых с планом Маршалла, который сделал возможным "экономическое чудо" послевоенного периода и дал руководству и общественности разрушенных войной стран опору для создания послевоенного политического и экономического порядка. Степень, в которой Запад сможет подкрепить свою часто декларируемую приверженность демократии делами, сыграет, по-моему, ключевую роль в том,

сложится ли будущее Восточной Европы как в печальный период между двумя мировыми войнами, или столь же счастливо, как в послевоенный период в Германии и в Японии.

ый, — 70-м году, озабоченные на то, как
порт: «Немецкого народа, озабоченные тем,
одны обезлюдела, обескоро-
чего».

Оттого-то французский народ — мы победили немцев,
сказали, что вот-вот наступит мир, — охнем. Но тре-
да. Но мир — это крах всех надежд на американец го-
из этого кровавого болота вылезти хоть скатить на лз
живыми, с полоумными руками и ногами, но —
Вылезти из этого мира при старом капитализме нельзя,
потому что накопился такая лавина капиталистических
долгов, такая глыба разоренной во всем капиталистическом
мире, причиненных войной, что нельзя вылезти, не сверг-
нув самой лавины.

Даже те, кто не являются революционерами и в рево-
люцию не верят и боятся революции, теоретически все же
ее обсуждают и будут принуждены ходом событий, послед-
ствиями империалистской войны убедиться, что другого
выхода нет, кроме революции.

Повторю, меня особенно поразила оценка положения
сделанная американцем с точки зрения купца, который
конечно, теорией классовой борьбы не занимается и
искренне считает это ядом. Но который интересуется
миллионами и миллиардами и умеет считать. спрашивает:
заплатят или не заплатят? — и отвечает, опять таки
с точки зрения совершенно делового коммерческого рас-
чета: «заплатить не на что! И даже 20 копеек за рубль
не получишь».

Вот положение, при котором во всех странах Согласия
мы видим громадное и повсеместное брожение на
почве симпатий рабочих к советской форме.

Например, в Париже толпа, — самая чуткая, может
быть, из всех народных собраний других стран, потому
что в Париже она прошла большую школу, проделала
ряд революций, — там толпа, самая отамничная, которая
не позволяет оратору взять фальшивую ноту, теперь обры-
вет тех, кто смеет говорить против большевизма; а всего

¹ Ради краткости в этом изложении событий опущены процессы, происходившие в Албании, Югославии и Болгарии. В случае Албании (который не рассматривается в данной статье), имели место какие-то намеки на реформы, которые, однако, не идут ни в какое сравнение с тем, что произошло во всей остальной Восточной Европе. Что касается Югославии, то там не было ни переговоров с оппозицией за круглым столом, ни массовых мирных протестов, ни революции. Справедливее было бы утверждать, что югославский путь к реформе остаётся (как это было и прежде) весьма отличным, сочетая быстрый развал партии с беспорядками на региональном уровне, стремительную цепную реакцию формирования политических партий (опять-таки на региональном уровне), и политические успехи оппозиции на региональном уровне (включая недавнее формирование оппозиционного правительства в республике Хорватия). И, наконец, в болгарском случае, мы должны отметить вариант переговоров с оппозицией за круглым столом, однако, при сохранении довольно сильных позиций компартии и относительно слабой оппозиции.

² Исключительно эмпирическое рассмотрение этого вопроса см.: Maria Csanadi. *Party-State Interlocking Directorates: Economic and Political Decision-making in Hungary*.

³ Логика Горбачева отслежена в двух моих работах. Первая из них была опубликована до прихода Горбачева к власти и называется "The Empire Strikes Back: The Evolution of the Eastern Bloc from a Soviet Asset to a Soviet Liability." - *International Organization*, vol. 39 (Winter 1984-1985), pp. 1-46; вторая называется "Soviet Decline as a Regional Hegemon: Gorbachev and Eastern Europe," *Eastern European Politics and Societies*, vol. 3 (Spring 1989), pp. 235-267.

⁴ Большинство стремится более всего к капитализму с развитой системой социального обеспечения. Эта цель была в настоящий момент оттеснена потребностью привести экономику в порядок и уничтожить последние остатки сталинизма в экономике. Несмотря на то, что экономическая политика этих стран может оказаться весьма "правой" (о чем западные обозреватели не

преминули упомянуть в своих анализах венгерских, польских и восточногерманских выборов), они таковыми не являются. Существует важная разница между долгосрочными целями и тем, что должно быть сделано сейчас, чтобы справиться с экономическими и политическими трудностями.

⁵ Анализ в основном будет основан на польском, венгерском, чехословацком, румынском, болгарском и югославском материале. Я опускаю восточногерманский вариант, поскольку будущее этой страны, конечно же, в значительной степени предопределено ее воссоединением с Западной Германией. По словам восточногерманского диссидента Йенса Райха, Восточная Германия теперь - всего лишь "сноска" в учебнике истории.

⁶ Эта концепция подробнее изложена в: Valerie Bunce. *From Stalinism to Liberalization*. Kasimierz Poznanski, ed. *The Great Transformation in Europe*. (рукопись в процессе редактирования).

⁷ Moshe Levin, *The Gorbachev Phenomenon*. - Berkeley, University of California Press, 1988.

⁸ Barrington Moore. *Injustice: The social Basis of Obedience and Revolt*. Armonk, NY, M.E. Sharpe, 1977.

⁹ Формулировка заимствована из: James Scott. *Weapons of the Weak: Every Day Forms of Peasant Resistance*. - New Haven, Yale University Press, 1985.

¹⁰ Цит. по Daniel Singer. Bitter Hope in a Cold Climate., "Nation", June 22, 1985, p. 764. См. также блестящие наблюдения венгерского философа Михаила Вайды в: *The State and Socialism: Political Essays*. New York, St. Martin's Press, 1981.

¹¹ См. Alex Pravda. East-West Interdependence and the Future of Eastern Europe. - Morris Bornstein, Zvi Gitelman, and William Zimmerman, eds., *East-West Relations and the Future of Eastern Europe*. New York, Allen and Unwin, 1981.

12 Timothy Garton Ash. *Revolution: The Springtime of Two Nations*. *New York Review of Books*, June 15, 1989, pp. 3-10.

13 Выражаю признательность Луану Трокселю за предоставленную мне информацию о Болгарии.

14 Конечно, это относится и к Германской Демократической Республике, однако по причинам, связанным с процессом объединения с Федеративной Республикой.

15 Честно говоря, меня удивило, как много консультантов по проведению избирательных кампаний поспешили из Соединенных Штатов в Польшу и Венгрию давать советы. Зачастую эти советчики были менее чем полезны. Многие из них полагали, что существует только один тип избирательной системы - американский.

16 Я выражаю свою признательность венгерским социологам Элемере Ханкиссу и Ласло Брусту за то, что они позволили мне взглянуть на их данные предвыборных обзоров.

17 Заимствовано из определения "революционной ситуации" Чарльза Тилли. См.: "Does Modernization Breed Revolution?" в Jack Goldstone, ed. - *Revolution: Theoretical, Comparative and Historical Studies*. New York, Harcourt, Brace Jovanovich, 1986.

18 Здесь, разумеется, заложено противоречие, с которым многим экономистам Востока и Запада еще не доводилось сталкиваться. С одной стороны - очевидно, что "меньшая степень правительственного вмешательства", т.е. экономическая либерализация, положительно сказывается на экономической эффективности и производительности. С другой же стороны, "большая степень правительственного вмешательства" может быть необходима для преодоления экологического кризиса. Я возлагаю надежды на то, что в будущем экономическая либерализация внутри страны приведет к повышению производительности и эффективности, тогда как объединение Европы приведет к решению экологических проблем. В конце концов, как отметил во время

своего визита в Соединенные Штаты Горбачев, вопросы экологии лучше всего решать на международном уровне.

19 См., например, Ron Herring. *Openness and Democracy in the Rise and Decline of Economic Interventionism* (доклад, представленный на заседании Американской политологической ассоциации). Чикаго, 4-7 сентября 1987г.

20 Даже в Югославии и Польше идее либерализации в полном объеме было оказано сопротивление, так как был отложен в сторону вопрос о приватизации. Экономические реформы, даже самые радикальные из до сих пор проведенных в этом регионе, следует скорее рассматривать как политику экономической стабилизации.

21 По заявлению премьер-министра Николая Рыжкова, советские субсидии Восточной Европе прекратятся с 1991г.

22 Некоторые исследователи, например Ласло Бруст и Яцек Тарковский, считают, что одновременное проведение политической и экономической либерализации дает некоторые преимущества. Они надеются, что лишенные привилегированных политических постов люди могут сыграть важную роль в экономике, которая нуждается в предпринимателях: "аппаратчики" могут стать "предпринимателями". Другим возможным преимуществом сочетания обоих типов либерализации может стать существенное сходство правил политической и экономической жизни. В обоих случаях определенные процедуры (правление закона и правление рынка) будут сочетаться с неопределенными результатами (которые будут определяться конкуренцией в политике и конкуренцией в экономике). При таком параллелизме перемены в политической и экономической культуре будут восприниматься легче, поскольку для их успешного усвоения нужно будет выучить один и тот же урок.

23 Катерин Вердери выдвинула такое предположение в беседе в Бард колледже.

24 Хотя внешний долг Венгрии в расчете на душу населения выше польского, Венгрия выглядит гораздо более привлекательным объектом для западных вкладов потому, что у Венгрии лучше контакты с западными вкладчиками (учитывая относительно долгую историю экономической реформы), а венгерские рабочие ведут себя относительно спокойно.

25 Национальные трения, конечно же, были проблемой в Чехословакии в 1967-1968 гг. Экономические различия между двумя регионами после советского вторжения 1968 г. значительно стерлись.